

Хабиева Алмагуль Алтаевна

ЭТНОКОННОТАЦИЯ В ЯЗЫКЕ КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматриваются особенности культурной коннотации и этноконнотации. На основе конкретных языковых фактов обосновано положение о том, что если в культурных коннотациях могут быть заложены как национально-культурные, так и универсальные характеристики, то этноконнотациям, как уникалам национальной культуры, присущи ассоциативно-образные смыслы идиотического характера. Этноконнотация в языке казахского художественного слова представлена через национальные ценности Махамбета Утемисова в познании мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 162-164. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.512.12

В статье рассматриваются особенности культурной коннотации и этноконнотации. На основе конкретных языковых фактов обосновано положение о том, что если в культурных коннотациях могут быть заложены как национально-культурные, так и универсальные характеристики, то этноконнотациям, как уникалам национальной культуры, присущи ассоциативно-образные смыслы идиоэтнического характера. Этноконнотация в языке казахского художественного слова представлена через национальные ценности Махамбета Утемисова в познании мира.

Ключевые слова и фразы: культурная коннотация; этноконнотация; национально-культурная информация; языковая картина мира; поэзия.

Хабиева Алмагуль Алтаевна, к. филол. н.

Институт языкознания имени А. Байтурсынова

Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Алматы

a.a.khabiyeva@bk.ru

ЭТНОКОННОТАЦИЯ В ЯЗЫКЕ КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ

Статья подготовлена в рамках проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан № 1941/ГФ4 «Культурная коннотация в языке казахской поэзии».

На современном этапе развития лингвистической науки, в основе которого лежат междисциплинарный и антропоцентрический принципы исследования языка, наиболее интересным становится изучение языковых единиц с точки зрения представленности в них национальной культуры. На сегодняшний день интеграционный подход в исследовании художественного текста и его языковых единиц с национально-культурной информацией представляется весьма актуальным, так как позволяет раскрыть особенности взаимодействия таких аспектов, как язык и национальное познание, язык и культура, контекст и предметно-событийный фон. Ярким примером, безусловно, служат исследования произведений казахских мастеров слова, освоивших национальные культурно-духовные ценности, морально-этические установки казахского народа, для творчества которых характерна ассоциативная многоплановость в создании культурных коннотаций и этноконнотаций.

Если *культурная коннотация* понимается как «интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры» [4, с. 51], то понятие *этноконнотация* интерпретируется как «особый вид культурной коннотации», содержащий «гетерохронные и гетерофункциональные признаки этноконнотата, вызывающие в сознании коммуниканта отнесённость языковой единицы к определённом этнокультурному пространству» [1, с. 14].

Действительно, каждый язык отражает определенный способ восприятия мира, которые могут в каком-то случае совпадать, например созначения слова «лебедь» как символ красоты, грациозности, чистоты (в русском языке: *прекрасная царица Лебедь* и др.; в казахском языке: *аққу мойын ару қыздар; аққудай ару* и др.) или же коннотация слова «лев» как символ мужества, храбрости, благородства (например, образ героя романа Вальтера Скотта – *Ричард Львиное Сердце*; в казахском языке: образ Исатая в поэзии Махамбета: *Арыстан еді-ау Исатай!* и др.), но в то же время одно и то же слово в разной языковой среде может различаться по смыслу, по передаче образов и ассоциаций.

Как показывает В. А. Маслова, «существуют специфические для каждого народа образно-ассоциативные механизмы переосмысления исходных значений во вторичной номинации. Например, “собака” у русских ассоциируется (наряду с отрицательными явлениями) с верностью, преданностью, неприхотливостью, что нашло отражение во фразеологизмах “собачья верность”, “собачья преданность”, “собачья жизнь” и др.; у белорусов “собака” коннотирует негативные в большинстве своем признаки – “ушыцца у сабачую скуру” (в значении “стать негодным, ленивым человеком”), “собакам падшыты” (в значении “плохой человек”))» [4, с. 54]. Также если в русском языке слово «слон» ассоциируется с тяжелой походкой, неуклюжестью, что нашло отражение в выражениях «топать как слон», «как слон в посудной лавке», то на санскрите слово «слон» коннотирует в значениях «легкая походка», «легкость», «грациозность» [3]. Таким образом, слова «собака», «слон» отражают у разных народов различные признаки, что свидетельствует о специфичности, индивидуальности образного мышления у этих народов.

Как видим из вышеизложенного, культурные коннотации – это такие языковые единицы, культура в которых проникает «через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами и другими знаками национальной культуры» [4, с. 55].

В данной статье хотелось бы остановиться на конкретных примерах отражения «особого вида культурной коннотации» в художественном дискурсе, именуемой как «этноконнотация», которая, по определению О. И. Быковой, «включает образную составляющую, маркированную ингерентными признаками-спецификаторами культурно-исторического характера: /локус/, /темпус/, этноэмотив; а также признаки, связанные с функционированием языкового знака в определённом социуме и сфере употребления» [1, с. 14].

Для художника слова, чья словотворческая деятельность предполагает тесную связь языка и культуры, познания народа и его философско-психологических, религиозно-мифологических основ, несомненно употребление в дискурсе элементов, отражающих национальный склад мышления, специфику ментального мира.

Нередко для полного понимания всей глубины смысла дискурса поэта/писателя от читателя, помимо базовых лингвистических навыков, требуется некий багаж знаний в области истории, культуры, этнографии, когнитологии и т.д., поскольку интерпретация семантики этноконнотации предполагает комплексный подход к слову как репрезентанту культурного концепта.

Так, например, в произведении одного из видных представителей казахской поэзии первой половины XIX века Махамбета Утемисова встречаются такие строки: *...Темірқазық жастанбай, Қу толағай бастанбай, Ерлердің ісі бітер ме* [5, б. 27]?! / *...В изголовье с Полярной звездой, Разве достигнет цели герой?!* (здесь и далее перевод автора статьи. – А. Х.) Здесь особого внимания заслуживает лексема *Темірқазық*, которая тесно связана с мифологическим, сакрально-символическим представлением тюркских народов, в частности казахского этноса. Вышеуказанные строки Махамбета часто интерпретируются в значении «достигнет ли герой своей цели, не испытыв лишений и трудностей походной жизни (спать в степи под Полярной звездой)?». В действительности данные поэтические строки, как нам кажется, несут в себе более трагический смысл: *Темірқазық жастану – умереть на пути к цели; умереть в упорной борьбе; приговорить себя к смерти*. Такая трактовка этого образа связана с древним обычаем казахов, согласно которому усопшего клали на землю головой в сторону Полярной звезды (*Темірқазық*). И это не случайный ритуал, а традиция, связанная с миропониманием и мировоззрением этноса.

Как отмечает К. Жанабаев, «в космологической системе тюркских представлений *Темірқазық* занимал центральное место. Это точка, где свершился когда-то величайший акт творения космоса и человечества. Он – центр всего небесного мира, вокруг которого движутся все звезды и созвездия. Он – высшая ценность мифопоэтического сознания кочевников, олицетворение гармонии и порядка в космосе и на земле» [2, с. 2]. А современная традиция казахов погребения головой в сторону Мекки, по словам исследователей, возникла позже под влиянием исламской религии.

Рассмотрим еще один отрывок из поэзии Махамбета, отражающий особенность национального миропознания: *Қара қазан, сары бала Қамы үшін қылыш сермедік* [5, б. 100]. / *Сражались за священный очаг и детей*. Здесь лексема «казан» – не просто наименование кухонной утвари, а лингвокультурема, несущая в себе большой символический смысл. В казахском миропознании и культуре *қазан* – это символ достатка, благополучия и мирной жизни.

«Казан не должен быть пустым. В нем всегда оставляли на доньшке хотя бы ложку масла, что символизировало сытость в семье... Казан не отдавали чужим, а передавали по наследству сыну, а дочери в приданое покупали новый. <...> Сломанный казан мог повлечь за собой крах семьи. В связи с этим считалось, что разбить чужой казан, все равно, что разбить их семью. Обычно казан, как и еду, прикрывали крышкой, так как запрещалось его переворачивать во избежание голода или позора» [6, с. 25].

В данной поэтической строке слово «казан», сочетаясь с лексемой «кара», несет в себе еще более глубокий символический посыл – значение святости, священности (*қара қазан* – священный очаг). Здесь стоит отметить, что слово «кара» в казахском языке, как омонимично-полисемантическая лексема, имеет ряд номинативных и переносных значений. Так, если в вышеуказанной строке это слово употреблялось в значении «священный», то в следующем примере оно коннотирует уже в другом значении: *«Қара нардай-ақ // Саздауга қарсы жұлқармын»* [5, б. 129]. / *Я как черный нар пойду напролом*. Здесь в сочетании «кара нар» слово «нар» в номинативном значении означает одногорбого верблюда. Этот вид животного отличается своей жизнеспособностью и выносливостью, что отразилось на его образно-мотивированном значении, часто используемом в казахском языке. В дискурсе Махамбета слово «нар» соотнесено с образом смелого, сильного, выносливого человека, которому лексема «кара» придает еще большую ассоциативно-образную экспрессивность: здесь «кара» в значении «большой», «сокрушительный», что создает образ человека-воина недюжинной силы и отваги.

В произведениях Махамбета довольно часто встречаются и национальные ономастические наименования, обладающие высокой этнокультурной маркированностью и смыслом. Так, например, антропоним «Кет-Бұға» (*Кет-Бұғадай билерден // Ақыл сұрар кун қайда* [Там же, б. 73]? / *Где те дни, когда у мудрых, как Кет-Бұға, мог спросить совет?*) – это не просто имя известного бия – исторической личности XIII века, но и художественный образ, содержащий в себе национальные фоновые знания и этноконнотативную информацию о непростом для народа периоде конца XVIII – начала XIX в., когда рушился традиционный кочевнический уклад этноса. В дискурсе Махамбета *Кет-Бұға* – это собирательный образ нескольких поколений биев, которые своей справедливостью и беспристрастностью судебных решений, способностью к красноречию, высокой эрудицией и житейской мудростью, знанием чаяний и желаний народа, его обычаев и традиций олицетворяли высокодуховных созидателей справедливости и благополучия. Своим риторическим вопросом поэт как бы подчеркивает всю горечь настоящего положения, когда рушится мир с многовековой традицией, все то, к чему привык человек с рождения, а впереди неизвестность и тоска по ушедшим дням, которых уже не вернуть.

Как видим из примеров, такие словоупотребления, точнее этноконнотированные языковые единицы, как «Темірқазық жастану» («в изголовье с Полярной звездой»), «қара қазан» («черный казан»), «кара нар» («черный нар»), «Кет-Бұға» («Кет-Бұға»), в дискурсе мастера казахского поэтического слова несут в себе не только художественно-образный смысл, но и познавательный, национально-ассоциативный смысл.

Исследования сознаний в художественном дискурсе дают возможность увидеть особенности коннотации относительно их универсального и национально-культурного характера. Рассмотрение коннотации на основе материала поэтического наследия элитарных и национальных языковых личностей с обширной диалектикой мышления и национальным самосознанием открывает перспективы для дальнейшего комплексного изучения культурной коннотации, в частности этноконнотации, как уникала национальной культуры, отражающей идиоэтнические особенности этноса.

Список источников

1. **Быкова О. И.** Этноконнотация как вид культурной коннотации: автореф. дисс. ... д. филол. н. Воронеж, 2005. 39 с.
2. **Жанабаев К.** Небо древних номадов – как зарождался мир // Қазақ үні. 2016. 5 сентября.
3. **Коннотация** [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KONNOTATSIYA.html?page=0,1 (дата обращения: 23.07.2017).
4. **Маслова В. А.** Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. **Махамбет.** Алматы: Арыс, 2001. 160 б.
6. **Тохтабаева Ш. Ж.** Символика предметов традиционного быта казахов // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. 2014. № 1. С. 23-28.

ETHNOCONNOTATION IN THE LANGUAGE OF THE KAZAKH POETRY

Khabieva Almagul' Altaevna, Ph. D. in Philology
*Institute of Linguistics named after A. Baitursynov of the Committee of Science
of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Alma-Ata
a.a.khabiyeva@bk.ru*

The article deals with the peculiarities of cultural connotation and ethnoconnotation. On the basis of concrete linguistic facts the thesis is grounded that if in cultural connotations both national and cultural characteristics can be laid down, then ethnoconnotations, as unique to the national culture, have associative-figurative meanings of idioethnic nature. Ethnoconnotation in the language of the Kazakh artistic word is represented through Makhambet Utemisov's national values in the understanding of the world.

Key words and phrases: cultural connotation; ethnoconnotation; national-cultural information; language worldview; poetry.

УДК 81

В статье рассматриваются контекстно-дискурсивные факторы развития модальных значений среднеанглийского глагола «may / mighte». За отправную точку проявления деонтических и эпистемических смыслов принимается контекстное переосмысление его динамических значений. Исследование, проведенное на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, показало, что одним из ключевых прагматических факторов семантического развития «may / mighte» является контекстная субъектификация.

Ключевые слова и фразы: деонтическая модальность; эпистемическая модальность; субъектификация; контекстное переосмысление; «Кентерберийские рассказы».

Цвинариа Марина Евгеньевна, к. филол. н., доцент
*Санкт-Петербургский государственный университет
marina.tsvinaria@yandex.ru*

**КОНТЕКСТНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ДЕОНТИЧЕСКИХ
И ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА MAY / MIGHTE
(НА МАТЕРИАЛЕ «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ» ДЖ. ЧОСЕРА)**

Прагматический подход к историческим явлениям языка, рассматривающий развитие значений языковых единиц в тесной связи с их речевым употреблением, предусматривает тщательное изучение контекстов, способствующих изменениям в их семантике. Именно контекстное переосмысление («context-induced reinterpretation») является почвой для развития новых ядерных значений из ранее периферийных смыслов. Это развитие представляет собой последовательный процесс, имеющий следующие ступени: 1) языковая единица употребляется в большинстве контекстов с известным, ядерным значением; 2) появление отличных, но имеющих нечто общее с известными контекстов («bridging contexts»), в которых языковая единица приобретает другие оттенки значения; 3) появление контекстов переключения («switching contexts») с новым значением; 4) конвенционализация нового значения вне зависимости от контекста [2, p. 84-85].

Историческое развитие семантики модальных глаголов имеет однонаправленный характер от выражения объективной динамической модальности к деонтическим и эпистемическим значениям, которые могут быть более или менее субъективными [3, p. 792-793; 6, p. 509-510; 10, p. 14-15]. Субъектификация (термин Е. С. Трауготт [8, p. 46]) значений является одним из главных факторов их грамматикализации в плане передачи новых смыслов, изначально возникающих в общении в виде речевых импликаций. Так, представляя